

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на материале Вятской губернии)**

*Работа представлена кафедрой отечественной истории
Вятского государственного гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин*

В статье рассматриваются особенности трудовой деятельности лиц, подчиненных гласному надзору со стороны полиции, в условиях провинциальной действительности. Приводится оценка эффективности правительственной политики поощрения ссыльных к труду в деле снижения антигосударственных настроений.

Ключевые слова: административная политическая ссылка, гласный надзор, государственные преступники, ограничения трудовой деятельности, повседневная жизнь, профессиональные навыки.

D. Kalinina

**LABOUR AS A PART OF EVERYDAY LIFE OF THE POLITICAL EXILED
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(Vyatka province)**

The author of the article analyses the labour activity of the people who were under open supervision of the police and lived in the provincial life conditions. The author also considers the effectiveness of the governmental policy in stimulating the exiled and creating incentives to work, which had to reduce the antiauthority attitudes.

Key words: administrative political exile, open supervision, state criminals, restrictions of labour, everyday life, professional skills.

Характерной чертой общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX в. являлась высылка в отдаленные участки империи опасных в политическом отношении подданных. Подобным способом решалась проблема, назревавшая в России довольно давно и грозившая перерасти в открытое столкновение между властью и оппозиционной частью общества. Политическая ссылка, приобретя массовость, привела к формированию в империи слоя людей, в силу ряда ограничений вынужденных жить в условиях, отличных от других категорий населения России. Причем изменения, вызванные ограничением свободы и установлением постоянного надзора, коснулись практически всех сторон повседневного быта ссыльных.

Главной целью подчинения гласному надзору помимо снижения политического накала в проблемных районах Российского государства являлось возвращение ссыльного в общество полноправным гражданином, не оказывающим противоправительственного влияния на окружающее население. Так, вятский губернатор при разъяснении правил Положения о полицейском надзоре выделил ряд основных задач надзора полиции: во-первых, «правильное устройство гласного надзора как меры предупреждения и пресечения преступлений»; во-вторых, «подготовление поднадзорного путем его умиротворения к возвращению в общество гражданином для него не опасным» [1, л. 169]. Достижение поставленных целей осуществлялось через подчинение высланного лица определенной

дисциплине, а также предоставление ему возможности вести благонадежную трудовую жизнь.

Политические ссыльные, не имеющие собственных средств, обязаны были зарабатывать на жизнь личным трудом, так как казенное пособие на содержание и наем квартиры назначалось министерством внутренних дел лишь при наличии веских оснований, а именно невозможности поднадзорного зарабатывать самостоятельно либо при доказанной недостаточности доходов.

Любой политический ссыльный, прибывший в место водворения, обязан был сам обеспечивать свое существование. Критическим здесь был момент начала отбывания гласного надзора, так как человек, только что прибывший в губернию, не имел ни малейшего представления о природно-климатических условиях, социально-экономических особенностях жизни данного региона империи. Денежное пособие от государства назначалось по прошествии достаточно продолжительного отрезка времени, поэтому ссыльный вынужден был в кратчайшие сроки найти заработок.

В этих условиях сословный принцип продолжал играть важную роль. К лицам привилегированного сословия политика косвенного принуждения к трудовой деятельности применялась со значительными уступками и снисхождением. Практически всем им назначалось пособие на содержание и наем квартиры, причем в размере, превышающем денежное пособие для непривилегированных лиц. Данное содержание назначалось вне зависимости от трудоспособности ссыльных, более того, при отсутствии работы интеллектуального характера дворян, купцов и почетных граждан не ориентировали на неквалифицированный физический труд.

Особенность ситуации заключалась в том, что правительство опасалось расширения зоны влияния приверженцев революционных идей через контакты политических ссыльных с местным благонадежным населением. Государственные преступники, исполняя работу на какой-либо общественной должности, имели возможность сформиро-

вать доверительные связи и, соответственно, подорвать сложившийся отрицательный образ государственного преступника. А это открывало возможности к широкой агитации среди жителей губернии, что могло привести к обострению политической ситуации в российской провинции.

Исходя из обстоятельств, сфера деятельности политических ссыльных была ограничена. Положением 12 марта 1882 г. все ограничения в занятиях политических ссыльных были сведены в единый перечень. Гласно-поднадзорным были запрещены: государственная и общественная служба, педагогическая деятельность, обучение ремеслам, чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ и вообще всякая публичная деятельность, содержание типографий, литографий, фотографий, торговля книгами, содержание трактирных и питейных заведений [2, л. 3, 3 об.].

Все остальные занятия разрешались. Однако губернатор имел право запретить ссыльному тот или иной вид деятельности. Этот запрет не мог быть безосновательным, воспрещение избранного занятия гласного поднадзорного было возможно, если оно служило «средством осуществления его предосудительных замыслов» [2, л. 3 об.], представлялось по местным условиям опасным для общественного порядка и спокойствия.

Над подобной запретительной деятельностью губернаторов осуществлялся надзор со стороны министра внутренних дел, который мог отменить воспрещение на какой-либо вид деятельности для конкретного лица, если признает это необходимым. В Вятской губернии высланный врач М. Я. Ситников, которому губернатор запретил заниматься врачебной практикой, обратился в министерство внутренних дел. Запрет был отменен в связи с отсутствием на то необходимости.

Для данного региона, как и большинства местностей, определенных под ссылку политически опасной части населения, была характерна чрезвычайно низкая потребность в рабочей силе. Это касалось в основном труда, не связанного с постоянными физическими нагрузками. Исключение составляли лишь

технические профессии, специалистов по которым в регионе не хватало. Следовательно, найти работу в провинциальном городе было делом весьма непростым.

Все разрешенные способы заработка ссыльных можно условно разделить на интеллектуальные профессии, ориентированные на нематериальное производство, к которым относились переписка бумаг, статистические изыскания, литературный труд, составление чертежей; и виды деятельности, связанные с материальным производством, в частности строительные и сельскохозяйственные работы.

Политические ссыльные, поставленные перед необходимостью поиска работ, способных дать средства к существованию, стремились в первую очередь применить уже имеющиеся у них профессиональные умения и навыки. И на этом этапе у поднадзорных возникают первые трудности.

В конце XIX в. основную массу гласно-поднадзорных составляли люди, занятые в нематериальном производстве: учителя, врачи, адвокаты, архитекторы и т. д.*. Большею частью данные профессии были запрещены государственным преступникам Положением 1882 г. Кроме того, Вятская губерния просто не могла обеспечить такое количество вакантных должностей интеллектуального характера либо просто работ, не требующих сильных физических нагрузок. Например, в характеристике ссыльного И. Я. Жилина, до высылки служившего «исполняющим дела счетного чиновника», отмечено, что в месте подчинения гласному надзору он не может найти подходящих по его специальности занятий [7, л. 81об.]. В итоге, не найдя подходящей работы, многие поднадзорные вынуждены были осваивать новые специальности.

Ситуация выравнивается в начале XX в., что связано с изменением контингента лиц, привлекаемых к ответственности за государственные преступления. Среднестатистический ссыльный начала века был занят большей частью в обрабатывающей промышленности**. Следовательно, начиная с 1901 г. спрос на определенные виды работ со стороны ссыльных и предложение в связи с усло-

виями Вятской губернии становятся соразмерными.

Самым распространенным видом занятий, разрешенных политическим ссыльным и исключаящих большие физические нагрузки, были работы по переписке бумаг [4]. Ссыльные нанимались в основном к частным лицам, нуждающимся в должном оформлении своей переписки. Однако в исключительных случаях и с разрешения главы губернии некоторые поднадзорные допускались до письменных работ и в земских управах. Так, в 1900 г. подобное разрешение получил ссыльный А. Я. Никитин [13, л. 12 об., 13].

Исторически контакты земских учреждений и политических ссыльных в Вятской губернии были минимальны. Поднадзорным запрещалась государственная и общественная служба. На этом основании всякое ходатайство политического ссыльного о службе при земской управе отклонялось губернатором. Надо отметить, что рассмотрение подобных ходатайств носило индивидуальный характер. В своем циркуляре от 27 июля 1882 г., вятский губернатор отмечал: «К вопросу о воспрещении поднадзорным занятий вы должны относиться крайне осторожно... Ранее воспрещения занятия следует уведомить министерство внутренних дел с указанием, насколько подобное занятие может оказаться вредным по отношению к каждому отдельному лицу» [1, л. 170]. Однако данная политика не повлияла на увеличение количества лиц, которым разрешено было сотрудничество с земством.

Губернатор в редких случаях шел на уступки и разрешал поднадзорным брать работу у земских учреждений. Для такого разрешения необходимо было ходатайство поднадзорного, поддержка этого ходатайства со стороны земской управы и веское основание в необходимости допущения до подобных работ именно данного лица, являющегося политическим ссыльным.

В итоге лишь отдельные поднадзорные смогли применить свои профессиональные навыки на благо губернии. Так, на протяжении конца XIX – начала XX в. для составления технических смет, проектов и чертежей

были привлечены в Вятке поднадзорный Н. Н. Вашков, в Слободском – Л. Г. Попов и И. А. Шестопапов [8]. В г. Нолинске политический ссыльный И. С. Бабаджан служил помощником техника уездного земства, занимался чертежными работами и даже производил технические исследования земских трактов и описания дорожных сооружений [9].

Многие ссыльные, особенно в начале XX в., находили себе работу, связанную со статистическими исследованиями. Ссыльные свободно устраивались в земскую статистику, так как работа в ней считалась поденной и разрешения губернатора не требовалось. Так, в 1898 г. в Нолинске гласный поднадзорный В. А. Кудрявцев брал себе на квартиру письменную работу по заданию земства, он составил сказку земских доходов и расходов с момента основания земства [3, л. 7].

Лишь единицы из общего количества сосланных под гласный надзор полиции выполняли квалифицированные работы, и это, как правило, были те сферы, в которых губерния испытывала наибольший недостаток. Нехватка медиков привела к тому, что губернатор разрешил некоторым ссыльным заниматься врачебной практикой. Например, политический ссыльный А. Г. Левитский в 1904 г. заведовал вятской железнодорожной больницей [15, л. 159 об., 160]. Это исключительное назначение объяснялось помимо значительного профессионального опыта еще и нежеланием Левитского иметь какие-либо контакты с высланными в губернию государственными преступниками.

В основном ссыльные занимались частной врачебной практикой. Поднадзорный М. Я. Ситников практиковал в г. Нолинске. Нолинский уездный исправник отмечал, что местное общество относится к Ситникову как к хорошему врачу, благодаря чему он имеет хорошую практику, в том числе и из близлежащих деревень [13, л. 70 об., 71]. Ограничения со стороны губернатора для желающих заниматься врачебной практикой были незначительными, любой ссыльный, имеющий медицинское образование, мог получить такое разрешение. Всего за период с 1897 по 1905 г. десять ссыльных получили

право оказывать населению медицинскую помощь в Вятской губернии [4].

Любая преподавательская деятельность политическим ссыльным была категорически запрещена как занятие, приводящее к слишком тесному общению государственного преступника и обучающегося. У центральной и местной властей вызывало опасение то противогосударственное влияние, которое мог оказать ссыльный на неокрепшие умы молодого поколения. Речь шла как о работе в учебных заведениях, так и о частной преподавательской практике. Однако поднадзорные, поставленные в жесткие условия выбора способа заработка и не находившие никаких занятий, забрасывали вятского губернатора просьбами о разрешении преподавания того или иного предмета.

Некоторые поднадзорные, чтобы иметь хотя бы минимальный доход, начинали заниматься преподаванием без необходимого разрешения. Так, в г. Орлове ссыльная К. Н. Приходькова взялась за репетиторство мещанских детей [5, л. 69], в г. Нолинске поднадзорный А. Н. Рябинин, несмотря на запрет местной администрации, начал давать на дому уроки математики [15, л. 18]. Подобную деятельность местные власти довольно быстро пресекали. Вятский губернатор предписывал начальникам полиции неуклонно наблюдать за тем, чтобы политические ссыльные не занимались обучением детей и взрослых [16, л. 13].

Некоторые литераторы и переводчики, высланные под гласный надзор полиции, не находя работу по профессии, зарабатывали деньги, сотрудничая с известными издателями и газетами за пределами губернии. Данный способ заработка не был зафиксирован в списке запрещенных поднадзорным, так как давал определенную степень изоляции государственных преступников от благонадежной части общества. Глава губернии достаточно благожелательно относился к подобным занятиям, полагая, что цензура не пропустит в печать ничего предосудительного, а ссыльным не потребуется назначение казенного денежного пособия. Переводом иностранных книг на русский язык в сотрудни-

честве с крупным книгоиздателем Сыгиным занимался поднадзорный С. А. Порецкий [6, л. 55 об., 56]. Нолинские политические ссыльные тесно сотрудничали с газетами «Рудокон», «Урал», «Пермский край», «Уральская жизнь», «Сын отечества», «Волжский вестник» [10].

В целом доступ гласноподнадзорных к интеллектуальным профессиям был минимальным, и доступные виды деятельности свелись в основном к работам в обрабатывающей промышленности.

В начале XX в. подобное положение дел вполне соответствовало контингенту ссыльных, которые были водворены в губернию под гласный надзор полиции. Основная масса государственных преступников в 1901–1905 гг. состояла из представителей мещанского и крестьянского сословий, занятых различными ремеслами. Многие ссыльные непривилегированного сословия в новых для себя условиях продолжали заниматься сапожным, столярным, слесарным, портняжным мастерством, выделкой кож, кладкой печей и строительными работами. По количественному показателю преобладали слесари и столяры, которые трудились практически во всех уездных городах Вятской губернии [4]. Это объяснялось высокой потребностью в данных специальностях. Хотя порой даже люди, знающие тот или иной вид ремесла, не могли найти себе заработок в связи с отсутствием спроса либо превышением предложения. Так, политический ссыльный с Мулинское Слободского уезда, будучи хорошим каменщиком, не находил себе занятий «за избытком предложения со стороны местных жителей» [12, л. 17 об., 18].

Многие поднадзорные, не найдя работу по своей специальности, вынуждены были осваивать новые профессии. Например, ссыльные в г. Котельниче начали заниматься никелированием металлов, выделкой гильз [11], поднадзорные в г. Сарапуле – производством охотничьих ружей [14].

Некоторые высланные под гласный надзор полиции привносили на Вятку новые виды ремесел. Политический ссыльный В. Л. Василевский перерабатывал обыкновенную са-

пожную кожу в высококачественную «гамбургскую» [14, л. 3 об., 4], малмыжский политический ссыльный Ю. П. Ларионов занимался золочением и серебрением металлических вещей на продажу [3, л. 72 об., 73].

Местные власти всячески поощряли подобные непривилегированные виды занятости, видя в них, во-первых, экономию для государственного бюджета, во-вторых, средство успокоения представителей оппозиционных сил. Служащие Департамента полиции прекрасно осознавали, что в большинстве своем малограмотные ссыльные из непривилегированных сословий совершали государственные преступления под влиянием более сведущих и образованных сторонников оппозиции. Трудовая деятельность рассматривалась как способ возвращения ссыльных в привычную бытовую колею, где нет места сопротивлению государственной власти.

Однако, несмотря на все попытки администрации привлечь высланных в губернию под гласный надзор к трудовой деятельности, большинство политических ссыльных не имели работы [4]. Таких гласноподнадзорных можно условно разделить на две группы: тех, кто в силу своей состоятельности не нуждался в средствах для поддержания жизни, и людей, не нашедших себе способа заработка в новых условиях.

В общем составе политических ссыльных, отбывавших срок гласного надзора в Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв., единицы находились в меньшей зависимости от административных властей. Речь идет о финансовой независимости, что в условиях ссылки было довольно важной составляющей относительно комфортной жизни. Поднадзорный, которому не требовалось денежное пособие от казны, подвергался меньшему надзору со стороны полицейских служителей, так как не возникало необходимости контроля за занятостью и доходами ссыльного. Гласноподнадзорный, имеющий средства либо получающий поддержку от родственников, был свободен в выборе жилья в пределах места водворения, волен заниматься интересующими его делами, не отвлекаясь на поиски средств к существованию.

Множество поднадзорных на протяжении всего срока ссылки так и не смогли найти постоянного способа заработка и перебивались временной работой. Например, высланный за совершение государственного преступления П. Н. Брюханов «занятий, дозволенных в г. Уржуме, приискать не смог» [3, л. 16]. В таком тягостном положении за весь девятилетний период ссылки находилось несколько сотен человек.

Поднадзорные разных сословий и уровней благосостояния, разнообразных идеологических направлений, оказавшиеся вместе в одинаково сложных условиях, как партнеры по невзгодам сплывались в единый коллектив и старались помогать друг другу в меру своих возможностей. Так, поднадзорный В. Л. Василевский обучал мастерству выделки простой сапожной кожи в «гамбургскую» ссыльных мещан К. Н. Тихонова и В. А. Захаревича [14, л. 6 об., 7, 23 об., 24].

В целом трудовая занятость политических ссыльных была поставлена в жесткие рамки. Стремление властей, с одной стороны, к приобщению поднадзорных к трудовой деятельности, которая рассматривалась в качестве исправительной меры, и одновременное ограничение этой деятельности из-за

опасений распространения революционных идей приводило к опасной двойственности в политике по отношению к гласноподнадзорным. Подобное противоречие вызывало массу недовольства со стороны политических ссыльных.

Итак, попытки административных властей вернуть государственных преступников на путь благонадежных подданных через трудовую деятельность приносили положительные плоды в том случае, если поднадзорный находил свою профессиональную нишу и получал средства для вполне достойной жизни.

Однако в большинстве своем данная политика приводила к отрицательным последствиям. Ссыльные, не находя себе применения в провинциальной действительности, ожесточались против правительства. В стремлениях к контролю за способами заработка поднадзорных последние усматривали несправедливое отношение властей к оппозиции, желание создать невыносимые условия жизни в период нахождения под гласным надзором полиции. Политические ссыльные полагали, что государственная власть подобным образом надеется расправиться с опасной для нее силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

* 27,9% государственных преступников, занятых в нематериальном производстве в конце XIX в. (Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал министерства юстиции. 1906. № 4. С. 72).

** 42,8% лиц, совершивших государственные преступления, которые до вынесения решения о мере наказания были задействованы в обрабатывающей промышленности в начале XX в. (Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал министерства юстиции. 1906. № 4. С. 72.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 37.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71, 285; Оп. 160. Д. 199, 382; Оп. 161. Д. 90, 186; Оп. 162. Д. 94, 170; Оп. 163. Д. 83, 201; Оп. 164. Д. 113, 250; Оп. 165. Д. 197; Оп. 166. Д. 192.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 240.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 241.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199.

ИСТОРИЯ

---

8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 19 об, 20; Оп. 159. Д. 241. Л. 28 об., 29.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 81, 150 об; Д. 382. Л. 11 об., 12.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 82; Оп. 160. Д. 382. Л. 10 об., 11; Л. 46 об., 47; Оп. 164. Д. 113. Л. 18.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 186.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 113.
16. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 427.

REFERENCES

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 37.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 71, 285; Оп. 160. Д. 199, 382; Оп. 161. Д. 90, 186; Оп. 162. Д. 94, 170; Оп. 163. Д. 83, 201; Оп. 164. Д. 113, 250; Оп. 165. Д. 197; Оп. 166. Д. 192.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 240.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 241.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 19 об., 20; Оп. 159. Д. 241. Л. 28 об., 29.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 81, 150 об; Д. 382. Л. 11 об., 12.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 82; Оп. 160. Д. 382. Л. 10 об., 11; Л. 46 об., 47; Оп. 164. Д. 113. Л. 18.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 90.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 186.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 162. Д. 94.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 113.
16. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 427.